

Ушел от нас Алексей Цветков. Лёша. Великий поэт. Поэт, который, так получилось, пишет на русском, как он сам себя определял. Цветков создал свой собственный поэтический язык. В принципе, невозпроизводимый, затягивающий. Всегда хочется читать и читать, до конца. Что не всегда чувствуешь с другими великими. Его невероятная игра — не слов!, а мысли, юмора — завораживает.

Алексей Цветков говорил: «Что бы и когда бы я ни писал, я всегда пишу о смерти». Конечно, искусство есть искусство, ты облакаешь произносимое в метафорическую форму. В этом была невероятная сила поэзии Цветкова — всегда о самом главном, то есть глубинном и темном, но блестяще метафорически и с неповторимой игрой слов и смыслов.

Манера чтения: с одной стороны, чеканная, четкая, с другой — все равно естественная речь, как будто рассказывает. У Цветкова — невероятное слияние поэзии и личности.

Все мы, близкие, знаем: Леша вдумчиво сидит, рассказывает, выпивает, а вдруг, если не согласен или собеседник что-то неточно сказал, и он заметил (что было несложно в присутствии Цветкова при его ошеломляющей эрудиции) — может за столом и палкой своей начать махать и орать.

У него очень своеобразно получались англоязычные стихи: блестящие, тот же Цветков, только на английском, который он глубоко знал. Тот же поэт на другом языке, не перевод русской силлабо-тоники, а естественный переход на иной язык, с безошибочным использованием возможностей этого языка.

Цветков, как говорится, «чистый случай» — поэт мира. Лучше и не скажешь, чем он сам это определял: «Когда мы говорим о родине, важно не употреблять заглавной буквы, тогда все становится на свои места. Моя родина идентична моей биографии, из которой я выпрыгнуть не могу, частью Украина, частью Россия и уже давно США, но я ни из одной страны стараюсь не делать культa. Родина — это

улица в Запорожье или рюмочная в Тюмени, а не претензия на Курилы или гордость победами. Все победы, какие я еще вспоминаю в нынешней функции ветерана, были большей частью сексуального характера, в хрестоматию или учебник истории никак не просятся. И память, и язык — мои собственные, я их не брал в аренду ни у какого государства».

О поэзии, о творчестве Цветкова ещё будет много, хорошо и умно написано.

А сейчас, мы, близкие друзья Лёши, как мы называем в Нью-Йорке «семья», просто охвачены горем, тоской по этому человеку: блестящему, глубокому, внешне резкому, бесконечно доброму, с колючим чувством юмора и пугающе широкой эрудицией.

Лёша всегда поддерживал наш журнал «Интерпоэзия», приведу его премиальное стихотворение 2013-го года:

холодильник

*отслезив глаза в сигаретном дыме
в том краю стократ
после всех котлет мы садились к дыне
мать с отцом и брат*

*за спиной фреоном бурлил саратов
из тщедушных сил
и магнитофон с польским роком братьев
из-за стенки выл*

*но еще услышу о чем народ мой
если весь замру
говорила мать что воды холодной
пить нельзя в жару*

*потому об этом весь день с утра я
что в кругу планет
больше нет на свете такого края
никакого нет*

*где со зноем один на один машинка
как в болотах танк
ресторан днепро сигареты шипка
желтизна фаланг*

*каждый день если небо придавит тонной
псу под хвост труды
каждый божий раз когда вдруг студеной
отхлебнешь воды*